

# Отношение государства к криптовалюте как индикатор его доверия к обществу

Антончева О. А.<sup>1, \*</sup>, Апанасенко Т. Е.<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@ranepa.ru

<sup>2</sup>Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

## РЕФЕРАТ

Предлагается обоснование применимости индикаторов доверия государства к гражданскому обществу, т. е. веры государства в лояльность к нему общества и в способность поддерживать собственную легитимность. Первым индикатором выступает легализация криптовалюты, вторым — создание государственной криптовалюты.

Между степенью легализации криптовалюты и уровнем уверенности государства в лояльности к нему общества существует прямая связь. Создание же национальных государственных криптовалют является сигналом падения уверенности государства в собственной легитимности.

**Ключевые слова:** криптовалюта, доверие общества к государству, легитимность, государственная криптовалюта, легализация криптовалюты

**Для цитирования:** Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Отношение государства к криптовалюте как индикатор его доверия к обществу // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 130–139.

## The State's Attitude to Cryptocurrency as an Indicator of Its Trust in Society

Olga A. Antoncheva<sup>1,\*</sup>, Tatiana E. Apanasenko<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@ranepa.ru

<sup>2</sup>Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

## ABSTRACT

It is proposed to justify the applicability of indicators of state confidence in civil society, that is, the state's faith in the loyalty of society to it and in the ability to maintain its own legitimacy. The first indicator is the legalization of cryptocurrency, the second is the creation of a state cryptocurrency.

There is a direct connection between the degree of legalization of cryptocurrency and the level of state confidence in the loyalty of society to it. The creation of state national cryptocurrency is a signal of a drop in state confidence in its own legitimacy.

**Keywords:** cryptocurrency, public trust in the state, legitimacy, state's cryptocurrency, cryptocurrency legalization

**For citing:** Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. The State's Attitude to Cryptocurrency as an Indicator of Its Trust in Society // Administrative consulting. 2020. N 11. P. 130–139.

---

## Введение. Уточнение терминологии

Криптовалюта изначально представляла собой антифидатные и антицентрализованные деньги, одной из функций которых являлось исключение государства из вмешательства в их оборот.

Но на определенном этапе власти ряда стран заявили о желании выпустить в оборот собственную национальную криптовалюту (актуален вопрос о логике и мотивации таких устремлений), и ситуация несколько усложнилась, что дало повод увидеть ряд самых разнообразных проблем, перспективных для экономико-социологических исследований [5; 12]. Стоит признать, что эти исследования, по крайней мере русскоязычные, ограничиваются перечислением общеизвестных фактов и констатацией теоретических положений, которые были актуальны до того, как криптовалюты изменили социально-экономические реалии [7; 2; 6; 9; 13].

Коллизия заключается в том, что «Криптовалюты — это пример появления и реализации на практике конкурирующих частных валют, что в свое время и было предсказано Фридрихом Августом фон Хайеком» [25, с. 4], то есть появление государства (от опеки которого в сфере внутривалютного валютного контроля и предлагал подобным образом избавиться фон Хайек в своей провидческой монографии [17]) здесь алогично и неуместно. Тем более, что с вышеуказанным позиционированием криптовалют как антифиатных и антицентрализованных денег соглашаются уже не только многие позитивно или нейтрально настроенные к концепции Хайека экономисты [16; 20] (подобное, подчеркнув роль фон Хайека, высказал и ЕЦБ в своем докладе «Virtual currency schemes»<sup>1</sup>), но и даже в стане непримиримых критиков изначального идеолога «частных денег», в том числе в либертарианской среде, происходят некоторые подвижки в сторону примирения с реалиями сегодняшнего дня [19].

В этой связи нам представляется, что «национальные криптовалюты», о намерении выпустить которые заявил ряд стран (или уже выпустил данный продукт в оборот), представляют отдельную категорию, не имеющую ничего общего с изначальным концептом (антифиатные и антицентрализованные деньги). При этом данная категория логически связана с негосударственными криптовалютами в части «крипто-», поскольку режим шифрования оказался спасительной гаванью для национальных режимов, находящихся под угрозой отключения от систем международных расчетов и платежей (SWIFT, Clearing House Interbank Payments System (CHIPS) etc.).

### **Постановка проблемы. Индикаторы доверия общества к государству и к самому себе**

Несомненно то, что в первоначальном варианте доля криптовалюты в общей денежной массе может служить показателем *доверия общества к государству*. Тем не менее на сегодняшний день не существует точной статистики такого показателя, в том числе и в страновом разрезе.

В ожидании появления вышеуказанной статистики, которая помогла бы сделать, как нам представляется, долю криптовалют в денежной массе национальной экономики тонким и надежным инструментом измерения доверия общества к государству, возможно применить два опосредованных показателя, связанных с отношением государства к криптовалюте. Это косвенные данные, которые точно так же характеризуют уровень доверия спросом на знаки материальных обязательств государства. При этом их можно назвать индикаторами, скорее, не *доверия общества к государству*, а *веры государства в лояльность к нему общества* и собственную способность нормально функционировать. Это:

1) устранение государства от вмешательства в собственную денежную систему как индикатор доверия государства к тому, что общество к нему лояльно. Одной из

<sup>1</sup>European Central Bank. Virtual currency schemes. October 2012. P. 23–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf> (дата обращения: 19.08.2020).

форм устранения государства от вмешательства в собственную денежную систему является легализация криптовалюты. Последняя, таким образом, выступает индикатором доверия государства к обществу;

- 2) создание национальных государственных криптовалют как сигнал недоверия государству самому себе.

В нашем случае, говоря про фиатные деньги, мы делаем упор на то, что их выпуск осуществляется (а стоимость гарантируется) именно государством (властями стран). В этой связи криптовалюта обозначается нами как антифиатные и антицентрализованные деньги.

Фидуциарные (от лат. *fiducia* — доверие), фиатные (от лат. *fiat* — повеление), как известно, это необеспеченные деньги, номинальная стоимость которых поддерживается и гарантируется властями стран. Падение доверия к государственной власти приводит к снижению их покупательной способности, девальвации и т. д. В зарубежной литературе авторы либо разграничивают термины «фидуциарные» и «фиатные деньги» и считают разными понятиями, либо считают их синонимами.

С фидуциарной сущностью (не в пример фиатной) вопрос более сложный, поскольку и государство, и частные эмитенты криптовалют выпускают свои продукты «на доверии», не подкрепляя их стоимость полноценными активами. То есть это по сути в обоих случаях есть фидуциарные деньги, отличные лишь в аспекте природы эмитента (государственный или частный). Однако необходимо учитывать тот факт, что это не устоявшаяся точка зрения, поскольку споры идут по сей день не только о негосударственных криптовалютах, но даже и о негосударственных фидуциарных инструментах [24; 18].

### **Легализация криптовалюты как индикатор доверия общества к государству**

Благодаря их фидуциарной сущности, деньги могут служить мерилom не только доверия общества к государству, но и государства к обществу, точнее, мерилom уверенности государства к тому, что общество к нему лояльно.

Когда государство уверено в лояльности граждан, оно отказывается от своего вмешательства в автономию денежной сферы. Оно как бы возвращает деньгам их фидуциарную сущность, их способность символизировать доверие к государству, которое возможно без опоры на государственное принуждение.

Валютный контроль и контроль над такой статьей государственного платежного баланса, как «счет движения капитала», являются показателями того, что государство вмешивается в автономию денежной сферы. Чем меньшим спросом пользуется национальная валюта (чем меньше авторитет ее эмитента и верa в то, что последний способен обеспечить данные знаки стоимости материальными благами), тем жестче бывает контроль государства над статьями платежного баланса (счетом текущих операций, т. е. валютный контроль, и счетом движения капитала). Если уровень контроля государства над статьями платежного баланса высок, это означает, что авторитет эмитента стремится к нулю, т. е. можно констатировать тот самый случай «умирающего государства», обязательства которого ничего не стоят. Однако если падающий авторитет эмитента обесценивающейся национальной валюты сможет опереться на государственное принуждение в форме контроля государства над статьями платежного баланса, валюта такого государства еще сможет какое-то время выполнять некоторые функции денег. Данное государственное принуждение выступает в форме валютного контроля (контроля над счетом текущих операций) и контроля над счетом движения капитала.

Зависимость между авторитетом государства без опоры на государственное принуждение и невмешательством государства в денежную сферу работает и в об-

ратную сторону. Действует не только закономерность «чем слабее валюта, тем сильнее контроль», но и обратная закономерность: «попытка контроля подрывает авторитет эмитента и доверие к его обязательствам (национальной валюте)». Уважающее себя государство опасается превысить свои полномочия в сфере денежного обращения из страха навредить своей валюте.

Это известная проблема, для решения которой в свое время фон Хайек и предложил свое новаторское решение [17]. На этом поприще (идей свободного банкинга, равно как и в качестве конструктивного оппонента фон Хайека) отметился еще один нобелевский лауреат — Милтон Фридман [15], эстафету у которого подхватил Джордж Селгин [22; 23; 21]. Разумеется, это далеко не полный перечень авторов.

Хрестоматийным (к вопросу о доверии к эмитенту валюты) является пример поведения Банка Англии во время Войны за независимость США. Банк Англии отказался арестовать счета главнокомандующего, как сейчас сказали бы, армии террористов Джорджа Вашингтона из опасения повредить обращению своих банкнот, воплощающих веру в слово эмитента. Он тогда не был центральным банком, поскольку еще не существовало такого понятия, однако он был одним из самых авторитетных эмитентов банкнот в стране, кредитором государства, и его банкноты фактически являлись национальной валютой. Арест счетов лидеров неугодных политических режимов, широко практикуемый современными наиболее авторитетными в мире эмитентами, говорит об очень большом запасе доверия, раз эмитент способен делать такое и не повредить себе. Однако этот запас исчерпаем, потому и появилась криптовалюта.

Рассмотрим в качестве примера эволюцию российского и украинского законодательства в сфере валютного контроля и контроля над счетом движения капитала. Можно видеть, что либерализация этих сфер совпала с периодом укрепления авторитета молодых государств у собственных граждан и за рубежом.

СССР осуществлял полный контроль над внутренним рынком валюты, реализуя практику множественности валютных курсов. Такая практика является препятствием для конвертируемости национальной валюты в соответствии со статьей VIII Договора о международном валютном фонде<sup>1</sup>. Как государство СССР утратил легитимность, в противном случае данное государство существовало бы до сих пор.

Россия, едва возникнув, провозгласила полную либерализацию внутреннего рынка валюты. В 1992 г. официально введена внутренняя конвертируемость рубля. Государство, в качестве только что возникшего, обладает достаточно высоким уровнем легитимности, поскольку не будь широкие общественные слои заинтересованы в таком государстве, оно не возникло бы.

По точно такой же логике внутренняя конвертируемость гривны возникла одновременно с Украиной, хотя детальная нормативно-правовая база, реализующая эту внутреннюю конвертируемость, сформировалась несколько позже.

С внешней конвертируемостью валюты дело обстоит несколько сложнее.

Во всех странах с переходной экономикой существовало требование к экспортерам об обязательной продаже всей или части валютной выручки. То есть, на экспортеров внутренняя конвертируемость национальной валюты не распространялась. Эти страны очень хотели бы данное требование отменить, но не могли, не позволяла объективная слабость экономики. Валютный контроль объективно указывает на недостаток доверия со стороны общества, которым располагает государство, в силу слабости экономики государства. Понимая это, страны отменяют валютный контроль, как только могут это себе позволить.

<sup>1</sup> Articles of Agreement of the International Monetary Fund, VIII. 3. P. 23 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/adaa.pdf> (дата обращения: 23.06.2020).

Украина в 1998 г. ввела обязательную стопроцентную продажу валютной выручки<sup>1</sup>. Россия в 1995 г. ввела обязательный процент продажи экспортной валютной выручки на уровне 20%, но в том же году и до кризиса 1998 г. была вынуждена поднять его до 100%, после 1998 г. процент снижался. В 2005 г. Украиной обязательная продажа экспортной валютной выручки была отменена<sup>2</sup>. Россия сняла ограничения на капитальные финансовые операции (перешла на полную конвертируемость рубля), когда было решено сделать рубль средством для международных расчетов. У денег, имеющих международный авторитет, не должно быть ограничений на их обращение со стороны государства. С 1 июля 2006 г. досрочно по сравнению с тем, как это было зафиксировано в ее обязательствах, Россия полностью отменила все ограничения на счет текущих операций и счет движения капитала.

Украина ввела контроль над счетом движения капитала в феврале 2014 г. Это произошло за несколько недель до бегства из страны президента Виктора Януковича. И до сих пор от этого контроля Украина не может отказаться.

Недостаточная либерализация рынка — признак слабости финансовой системы государства. Валютный контроль вообще понижает курс валют за счет психологических факторов (понижения доверия к валюте). Как писал «отец евро» Р. Манделл, «отсутствие валютного контроля призвано укрепить престиж государственной финансовой системы и ее автономии от революций в области политики» [10, с. 228–229]. По его мнению, наличие валютного контроля подрывает кредитоспособность национального правительства.

Легализация криптовалюты — синоним ослабления валютного контроля и контроля над счетом движения капитала, поскольку криптовалюта представляет собой гавань, куда могут перетекать валюты и капиталы по определению без контроля со стороны государства [3; 4; 8; 14]. Если посмотреть, какие государства легализовали криптовалюту (таблица), то можно увидеть, что это те же самые государства, которые уверены в лояльности гражданского общества по отношению к ним. Это либо так называемые страны «золотого миллиарда» с сильнейшими в мире экономиками и старыми, устойчивыми традициями демократического правления, либо очень богатые страны, либо же страны с очень крупной экономикой, размер которой сам по себе является козырем в области доверия (Бразилия, Индия).

Наиболее неприязненно к идее легализации криптовалют относятся государства, легитимность власти которых вызывает сомнения (см. таблицу).

Отдельную группу стран составляют те, где криптовалюта легализована, но лишь потому, что эти страны, опасаясь стать изгоями в мировом сообществе, имеют в виду создать национальную (государственную) криптовалюту либо уже создали. Это Россия, Украина, Беларусь, Конго, Абхазия, Куба, Иран, Ирак, Ливия, Венесуэла, Зимбабве. Если говорить о России, то речь идет скорее о потенциале создания альтернативной мировой валютной системы с собственным доминированием, а не доминированием США. К этой группе стран можно отнести и Китай: он создал государственную криптовалюту, несмотря на то, что негосударственная криптовалюта (эмитированная частными лицами) в Китае легализована наполовину — она не объявлена ни законной, ни незаконной.

<sup>1</sup> Постановление Правления Национального банка Украины «О введении обязательной продажи поступлений в иностранной валюте в пользу резидентов-юридических лиц» от 04.09.1998 г. № 349 // Бизнес. 1998. № 10. С. 16.

<sup>2</sup> Постановление Правления Национального банка Украины «Об отмене обязательной продажи выручки в иностранной валюте в пользу резидентов» № 101 от 31.03.2005 // Инфодиск «Законодательство Украины». 7 июля 2008 г.

**Отношение различных стран к криптовалюте**  
Table. Attitude of various countries to cryptocurrency

Страны, сделавшие криптовалюту законной	Страны, объявившие криптовалюту вне закона	Страны, воздержавшиеся от объявления криптовалюты и законной, и незаконной, в которых она функционирует по принципу «что не запрещено, то разрешено», либо сделавшие криптовалюту законной, но с ограничениями
США	Афганистан	Чили
Все страны зоны евро	Алжир	Китай
Великобритания	Бангладеш	Колумбия
Швейцария	Боливия	Египет
Япония	Пакистан	Казахстан
Австралия	Саудовская Аравия	Косово
Канада	Вьетнам	Киргизия
Бразилия		Тунис
Израиль		ОАЭ
Кувейт		
Новая Зеландия		
Сингапур		
Республика Корея		
Таиланд		

Примечание: [Электронный ресурс]. URL: <https://coin.dance/poli> (дата обращения: 25.06.2020).

### **Создание национальных государственных криптовалют как сигнал недоверия государства самому себе**

Появление национальной криптовалюты доказывает, что само государство не верит собственным обязательствам, не верит, что его банкноты пользуются авторитетом хотя бы у кого-нибудь. К данной идее также обращаются государства-изгои на международной арене. Или государства, обладающие обеими характеристиками: лишившиеся доверия у собственных граждан и у международного сообщества.

Криптовалюта представляет собой «safehaven» — спасительное убежище от централизации, от произвола центробанков и государственного контроля. Государственная криптовалюта также является способом бегства от надгосударственной центральной власти — власти мирового сообщества.

Наиболее ярким примером является создание государственной криптовалюты Венесуэлы. Президент Николас Мадуро инициировал создание криптовалюты Венесуэлы «EIPetro» в декабре 2017 г. «EIPetro» обеспечена нефтью и минеральными ресурсами, что также противоречит концепции криптовалюты как антитоварных денег (государственная криптовалюта противоречит концепции криптовалюты как антигосударственных денег). Государственные банкноты Венесуэлы превратились в мусор, как это и полагается деньгам фидуциарной природы, эмитируемым уни-



рающим государством, доверие к которому стремится к нулю (годовая инфляция в Венесуэле на март 2020 г. составила 3276%)<sup>1</sup>. Предполагалось, что национальная криптовалюта возьмет на себя функции денег, поскольку традиционные деньги лишились своих функций. Другими словами, государство не доверяет больше самому себе.

Кроме попытки создания альтернативы собственным обязательствам, национальная криптовалюта выполняет еще функцию бегства от централизованной власти международного сообщества. В условиях экономических санкций Венесуэла не может привлечь иностранные инвестиции в национальную экономику. Однако иностранные инвесторы могут обойти санкции через покупку национальной криптовалюты, воспользовавшись анонимностью покупателей любой криптовалюты.

Схожая ситуация наблюдается в Зимбабве. Экономика Зимбабве страдает от санкций, инфляция составляет на март 2020 г. в годовом выражении 540,16%<sup>2</sup>. Зимбабве имеет государственную криптовалюту «Zimbocash (ZASCH)», призванную зафиксировать количество денег в обращении, обеспечив тем самым твердые деньги, и привлечь иностранные инвестиции в обход санкций.

Логично, что Россия как страна, экономика которой страдает от санкций, заинтересована в том, чтобы создать государственную криптовалюту [1; 11]. Более того, государственная национальная криптовалюта России способна претендовать на статус средства международных расчетов. В этом случае, как уже было отмечено выше, положение изгоя в международном сообществе может иметь своим последствием проявление силы, а не слабости, поскольку изгой способен создать альтернативную мировую валютную систему с собственным доминированием. ЦБРФ было принято решение о разработке и внедрении собственной валюты под названием «крипторубль», поскольку в планы страны входит создание мировой криптовалюты, которая применялась бы для расчетов внутри стран ЕАЭС или БРИКС. Президентом Путиным была поставлена задача формирования единого платежного пространства государств-членов Евразийского экономического союза с применением новых финансовых технологий, в том числе технологий распределенных ресурсов<sup>3</sup>. Страны БРИКС заинтересованы в постепенном уходе от долларовой зависимости, переводе торговли между собой на национальную криптовалюту и исключении из обращения доллара США. Криптовалюта выступает как альтернатива фидуциарной мировой валюте — доллару, в этом случае появление такой криптовалюты может послужить мерой недоверия США.

## Выводы

В ожидании появления статистики, позволяющей создать тонкий инструмент измерения доверия, можно использовать два других, менее точных — легализацию криптовалюты в качестве индикатора доверия государства к тому, что общество к нему лояльно, и создание государственной криптовалюты как индикатора недоверия государства к собственной легитимности. Измерение доверия не только общества к государству, но и государства к обществу позволит давать социологическую оценку институциональным явлениям и разрабатывать технологии управления социальными процессами.

<sup>1</sup>[Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7954659> (дата обращения: 26.06.2020).

<sup>2</sup>[Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2886087.html> (дата обращения: 26.06.2020).

<sup>3</sup>Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере (Пр-2132, 10.10.2017) <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 05.11.2017).

## Литература

1. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Гук О. А., Тюлин А. С. Анализ развития и регулирования криптовалют: зарубежный и российский опыт // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 4. С. 554–565.
2. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Пшеничников В. В., Тюлин А. С. Криптовалюта и блокчейн-технология в цифровой экономике: генезис развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 5. С. 9–22.
3. Бердышев А. В. Будущее рынка криптовалют // Вестник университета (Государственный университет управления). 2018. № 12. С. 119–123.
4. Бутенко Е. Д., Исахаев Н. Р. Электронные деньги и криптовалюты: противоречия и ловушки // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 6. С. 1092–1108.
5. Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина Паблишер, 2018.
6. Годин В. В., Терехова А. Е. Блокчейн: философия, технология, приложения и риски // Вестник университета (Государственный университет управления). 2019. № 9. С. 54–61.
7. Гроссман А. О., Петров А. В. Криптовалюта как социальное явление // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4. С. 62–66.
8. Кочетков А. В. Инновационные свойства, позитивные и негативные эффекты оборота криптовалют для экономики // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 9. С. 2033–2041.
9. Крылов Г. О., Лисицын А. Ю., Поляков Л. И. Сравнительный анализ волатильности криптовалют и фиатных денег // Финансы: теория и практика. 2018. № 22 (2). С. 66–89.
10. Манделл Р. А. Евро и стабильность мировой валютной системы / М. К. Бункина, А. М. Семенов. Рубль в валютном пространстве Европы. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. С. 217–267.
11. Махалина О. М., Махалин В. Н. Перспективы создания национальных и наднациональных криптовалют в странах БРИКС // Управление. 2019. № 2. С. 116–123.
12. Тапскотт Д., Тапскотт А. Блокчейн-революция. Как технология, стоящая за биткойном, меняет деньги, бизнес и мир. М. : Эксмо, 2017.
13. Хватов К. Ю. Ключевая концепция и терминология криптовалют и их сравнение с фидуциарными валютами [Электронный ресурс] // ИТпортал. 2018. № 1 (17). URL: <http://itportal.ru/science/economy/klyuchevaya-kontseptsiya-i-terminol/>
14. Щеголева Н. Г., Мальсагова Р. Г. Криптовалюта как вектор диджитализации мировой валютной системы: риски и тренды // Государственное управление. Электронный ФГУ МГУ. 2019. № 74. С. 273–296.
15. Friedman M., Schwartz A. J. Has Government Any Role in Money? // Journal of Monetary Economics. 1986. Vol. 17. Iss. 1. P. 37–62.
16. Gaurav S. The Market for Cryptocurrencies. An Ode to F. A. Hayek // Economic and political weekly. Vol. 54. N 2. 12 Jan. 2019. P. 12–15.
17. Hayek F. A. Denationalization of Money: The Argument Refined. An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies. Hobart Paper (Special) 70. London : Institute of Economic Affairs, 1978.
18. Hoppe H., Hülsmann J. G., Block W. Against Fiduciary Media // Quarterly Journal of Austrian Economics. 1998. Volume 1. N 1. P. 19–50.
19. Polleit T. Hayek's "Denationalization of Money" — a Praxeological Reassessment // Journal of Prices & Markets. November 17. 2016. P. 69–84.
20. Rogojanu A., Badea L. The issue of competing currencies. Case study — Bitcoin // Theoretical and Applied Economics. Vol. XXI (2014). N 1 (590). P. 103–114.
21. Selgin G. A. Central Banks as Sources of Financial Instability // Independent Review. 2010. Vol. 14. N 4. P. 485–496.
22. Selgin G. A. Free Banking and Monetary Control // Economic Journal. 1994. Vol. 104. N 427. P. 1449–1459.
23. Selgin G. A. Milton Friedman and the Case against Currency Monopoly // Cato Journal. 2008. Vol. 28. N 2. P. 287–301.
24. Selgin G. A., White L. H. In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians! // Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. N 2. P. 83–107.
25. Tofall von N. F. Währungsverfassungsfragen sind Freiheitsfragen: Mit Kryptowährungen zu einer marktwirtschaftlichen Geldordnung? Köln: Flossbach von Storch Research Institute. 2018. P. 4.



**Об авторах:**

**Антончева Ольга Алексеевна**, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@ganepa.ru

**Апанасенко Татьяна Евгеньевна**, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

**References**

- Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Guk O. A., Tyulin A. S. Analysis of Development and Regulation of Crypto-currency: Foreign and Russian Experience // MIR (Modernisation. Innovation. Research) [MIR (Modernizatsia. Innovatsii. Razvitiye)]. 2017. N 8(4). P. 554–565. (In rus)
- Babkin A. V., Burkal'tseva D. D., Pshenichnikov V. V., Tyulin A. S. Cryptocurrency and blockchain technology in the digital economy: the genesis of development // Scientific and Technical Statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskiiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskiye nauki]. 2017. N 10(5). P. 922. (In rus)
- Berdyshev A. V. The future of the cryptocurrency market // University's bulletin (State University of management) [Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)]. 2018. N 12. P. 119–123. (In rus)
- Butenko E. D., Isakhaev N. R. Electronic money and cryptocurrencies: contradictions and traps // National Interests: Priority and Security [Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost]. 2018. N 14(6). P. 1092–1108. (In rus)
- Genkin A. S., Mikheev A. A. Blockchain: how it works and what awaits us tomorrow. M. : «Alpina Publisher», 2018. (In rus)
- Godin V. V., Terekhova A. E. Blockchain: philosophy, technology, applications and risks // University's bulletin (State University of management) [Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)]. 2019. № 9. P. 54–61. (In rus)
- Grossman A. O., Petrov A. V. Cryptocurrencies as a social phenomenon // Society. Environment. Development. [Obshchestvo. Sreda. Razvitiye]. 2017. N 4. P. 62–66. (In rus)
- Kochetkov A. V. Innovative properties, positive and negative effects of cryptocurrency turnover for the economy // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2018. N 24 (9). P. 2033–2041. (In rus)
- Krylov G. O., Lisitsyn A. Y., Polyakov L. I. Comparative analysis of volatility of cryptocurrencies and fiat money // Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2018. N 22 (2). P. 66–89. (In rus)
- Mandell R. A. Euro and stability of the world monetary system / Bunkina M. K., Semenov A. M. Ruble in the currency space of Europe. M. : Olimp-Biznes, 2004. P. 217–267. (In rus)
- Makhalina O. M., Makhalin V. N. Prospects for the creation of national and supranational cryptocurrencies in the BRICS countries // Management [Upravleniye]. 2019. N 2. P. 116–123. (In rus)
- Tapskott D., Tapskott A. Blockchain Revolution. How the technology behind bitcoin is changing money, business, and the world. M. : Eksmo, 2017. (In rus)
- Khvatov K. Y. Key concept and terminology of cryptocurrencies and their comparison with fiduciary currencies // ITportal. 2018. N 1 (17). URL: <http://itportal.ru/science/economy/klyuchevaya-kontseptsiya-i-terminol/> (In rus)
- Shchegoleva N. G., Malsagova R. G. Cryptocurrencies as a vector of digitalization of the world monetary system: risks and trends // State Management. [Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy FGU MGU]. 2019. N 74. P. 273–296. (In rus)
- Friedman M., Schwartz A. J. Has Government Any Role in Money? // Journal of Monetary Economics. 1986. Vol. 17. Is. 1. P. 37–62.
- Gaurav S. The Market for Cryptocurrencies. An Ode to F.A. Hayek // Economic and political weekly. Vol. 54. N 2. 12 Jan. 2019. P. 12–15.
- Hayek F. A. Denationalization of Money: The Argument Refined. An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies. Hobart Paper (Special) 70. London : Institute of Economic Affairs, 1978.
- Hoppe H., Hülsmann J. G., Block W. Against Fiduciary Media // Quarterly Journal of Austrian Economics. 1998. Vol. 1. N 1. P. 19–50.
- Polleit T. Hayek's "Denationalization of Money" — a Praxeological Reassessment // Journal of Prices & Markets. November 17. 2016. P. 69–84.

20. Rogojanu A., Badea L. The issue of competing currencies. Case study — Bitcoin // Theoretical and Applied Economics. Vol. XXI (2014). N 1 (590). P. 103–114.
21. Selgin G.A. Central Banks as Sources of Financial Instability // Independent Review. 2010. Vol. 14. N 4. P. 485–496.
22. Selgin G.A. Free Banking and Monetary Control // Economic Journal. 1994. Vol. 104. N 427. P. 1449–1459.
23. Selgin G.A. Milton Friedman and the Case against Currency Monopoly // Cato Journal. 2008. Vol. 28. N 2. P. 287–301.
24. Selgin G.A., White L. H. In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo (lutionists), We are Misesians! // Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. N 2. P. 83–107.
25. Tofall von N.F. Währungsverfassungsfragen sind Freiheitsfragen: Mit Kryptowährungen zu einer marktwirtschaftlichen Geldordnung? Köln: Flossbach von Storch Research Institute. 2018. (In German)

**About the authors:**

**Olga A. Antoncheva**, Associate Professor the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@ranepa.ru

**Tatiana E. Apanasenko**, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanasenko2008@mail.ru